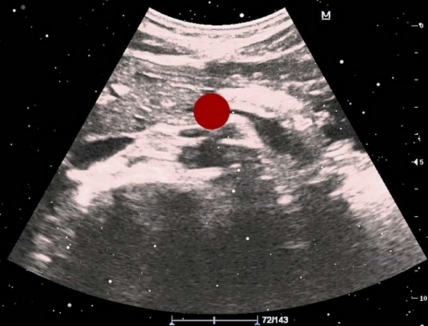

МЕЛЬНИКОВЫ А. И К.

06.03.2016 09:32:27 AP 100% MI 1.0 TIS 0.2

CS-2 Вспом. ABD

DC-7

B1

FH3.8 /D10.6 /G96

FR29 /IP4 /DR65

9

М Е С Я Ц Е В

Д О С М Е Р Т И

16+

Ксения Александровна Мельникова Анастасия Александровна Мельникова 9 месяцев до смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66629770

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник мистических рассказов на тему семьи, рождения и смерти.

*Мелия узнает о скорой смерти отца. 20 лет назад в их стране ввели всеобщую чипизацию и научились извещать человека о смерти за 9 месяцев.

*Тельза ждет рождение своего сына, но роды не начинаются уже неделю, месяц, год...

*Супругам Хэмилям пришло приглашение на свадьбу племянницы, которая прежде категорически отказывалась выходить замуж.

и др.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	29
Пожизненная беременность	35
Семья Боворов	45
Нечеловеческий сын	52
Вкус планеты Никро	62
Черная свадьба	67

Анастасия Мельникова, Ксения Мельникова 9 месяцев до смерти

Глава I

В апреле 2019 года супруги Валиши сели за обеденный стол. Мелия сказала мужу, что хочет кое-что обсудить. Она схватилась за ручку кружки с чаем, и, помедлив, сказала:

– Мой отец звонил полчаса назад, – она нервно постучала ногтями по кружке.

– Да, я слышал.

– Ох, да. Это ужасно, – она шмыкнула носом, – Он сказал, что умрет.

Муж донес лодку с вермишелью до рта и остановился. Жена воскликнула:

– Все. Конец. Это конец, Рой!

– Постой, постой, – он потер виски, – Нет, насколько я помню, у нас есть еще 9 месяцев. Ведь Гафальд, как и все мы, проходил процедуру чипизации. – Рой имел ввиду всеобщую программу предупреждения о смерти, которую ввели 20 лет назад по всей стране. Она не предупреждала о чрезвы-

чайных смертях, таких, как автомобильные катастрофы или смертельные травмы, но исправно работала во всех сферах связанных с личным здоровьем человека. В тело внедряли чип, который предугадывал летальный исход всех систем организма, и за девять месяцев начинал развивать в теле предрасполагающую опухоль, и, в соответствии с близостью смерти, опухоль увеличивалась в размерах. В очень редких случаях эта программа не срабатывала, так что на это достижение медицины можно было во многом полагаться с уверенностью.

Рой спросил:

– Когда Гафальд узнал о своей смерти?

– Вчера.

– Значит, он умрет в конце октября. – муж протянулся через стол и взял жену за ладони. – Видишь, как удобно? У нас целых девять месяцев, чтобы подготовиться.

Мелия заплакала. Ее охватили смешанные чувства: по телефону она не сразу узнала отца по голосу, настолько давно она с ним не разговаривала. Кажется, они поздравлялись на прошлое Рождество. В суете жизни ей некогда было о нем вспомнить: то работа, то их с Роем дети – Чес и Лаура, то встречи с друзьями. Без сомнений, Мелия вспоминала об отце каждый день, но не могла выкроить время на то, чтобы повидаться с ним, и даже узнать, как у него дела. Тем сильнее в ней вдруг вскипели все страстные чувства к отцу, и захотелось наверстать упущенное. На ее лицо пришел румянец,

а потом его сменило смущение. Муж не хотел помешать ее размышлениям. Он прекрасно понимал чувства жены: он и сам отлично относился к Гафальду, отцу жены, поэтому не хотел давить на ее решения.

Жена, наконец, отпила чай, и сказала:

– Знаешь, что, Рой? Белинда еще на прошлой неделе мне рассказывала, как у нее умирала мать. Она заметила, что сейчас никто уже не готовится к смерти. Что сейчас этим никто не заморачивается.

– Мало ли что сказала Белинда. Мы все сделаем, если ты этого хочешь. Честно говоря, я никогда не интересовался, как другие поступают в этом случае.

– Я же тебе говорю – никто не готовится.

– А что там готовить? Дорогая. Теперь, когда осталось попрощаться, нам нужно только собрать всех родственников, привезти твоего отца из Леополя, и, собственно, попрощаться.

– Как ты можешь? Я обдумала все сейчас, перед твоим приходом. На самом деле у нас куча дел. Я не уверена, что мы успеем за 9 месяцев. – она перенесла ноутбук с кофейного столика и поставила перед Роем. – У меня получился целый список. Вот, смотри... Во-первых, мы завтра же отправимся за ним, и поселим его у нас. И, если удастся достать билеты, я завтра схожу с ним в театр на "Шелестящих журавлей".

– На которых вы с ним собирались сходить последние семь лет?

– Да. Именно.

– Так. Что еще ты запланировала?

Мелия согнулась над ноутбуком и еще полчаса зачитывала и описывала мужу каждый пункт. Выходила плотная программа, как по времени, так и по деньгам. Они договорились оформить кредит, потому что Мелия отказалась что-либо вычеркивать: ей все казалось важным. Валишам предстояло наверстать несколько десятилетий скудного общения с Гафальдом.

Следующие два дня Валиши занимались переездом Гафальда. У него было не так уж много вещей. Пожилой мужчина провел последний десяток в малонаселенном соседнем городе, изредка встречаясь с коллегами по заводу пластмасс (с теми, кто не разъехался по другим городам). На заводе он проработал всю жизнь. Его жена, мать Мелии, развелась с ним три года назад, и он тяжело переносил это расставание, но редко кому жаловался.

Причина, по которой он жил в другом городе была не в том, что он уехал от родственников, а в том, что, наоборот, все, кто когда-то ему был дорог – уехали. Он регулярно звал всех к себе в гости, но приезжали далеко не всегда. Чаще всего – только младший сын.

Гафальду было стыдно себе признаться, но когда врач сообщил ему о его смерти, он даже немного обрадовался, надеясь, что теперь о нем вспомнит вся родня. Хотя он

не питал больших надежд – в последние десятилетия прежние традиции уходили в прошлое, и грядущие похороны никто не отмечал масштабно. Когда только ввели всеобщую чипизацию – было принято устраивать масштабные поминки, растягивающиеся на 9 месяцев. Каждые восемь недель символизировали определенный этап смирения: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Родственники и друзья проститься с умирающим всеми доступными способами: красиво и широко: проводили с умирающим время, реализовывали его давние желания, дарили подарки, признавались в любви, говорили нужные слова. Буквально через десятилетие эта волна спала, и люди успокоились. Как праздновать уход близкого – редко обсуждали, потому что тема была тяжелой. Гафальд знал, что хотел бы себе веселых проводов, но ему было неловко просить об этом семью.

То-то было его удивление, когда его дочь, Мелия, вдруг вознамерилась сделать все как он мечтал и попросила не беспокоится о деньгах – она предложила ему составить список желаний, и запланировала объехать все памятные места и провести все торжественные мероприятия вместе.

В субботу Гафальда посадили в кроссовер Роя на заднее сиденье, и он тут же выглянул из окна. На его лице растянулась довольная улыбка: Рой с Мелией паковали его сумки в багажник. Вскоре тронулись. И, въехав в Северск, помчались по главной улице в сторону центральной поликлиники. Уже через пятнадцать минут все трое сидели на прие-

ме у узиста. Когда к ним по внутреннему мессенджеру пришли заключения от хирурга и терапевта, узист попросил Гафальда поднять рубашку, смазал брюшную область гелем и стал водить, глядя на экран. Через мгновение узист повернул экран так, чтобы все могли видеть.

– Вот она, – узист обвел пальцем неопределенное колеблющееся пятно на мониторе, – Ваша сигнальная опухоль. Возраст – две недели.

– Погодите, доктор. Объясните, а что вокруг этой точки?

– Эта линия, похожая на дугу – диафрагма. Вот желудок, печень. Видите под желчным пузырем? Опухоль растет прямо по центру тела, как еще один орган. После десятой недели вы почувствуете, что вам становится тесно и тяжелее дышать, но это нормально. Она будет притеснять все органы.

– И что дальше? Что будет с моим отцом? – с замиранием спросила Мелия.

Узист ответила:

– На девятом месяце опухоль достигает максимального размера. В среднем это где-то 30 см в длину. Тем не менее, она сохраняет свойства доброкачественной и не вредит организму. Отчего именно наступит смерть, мы не в силах узнать. Могут быть только предположения. Обычно это либо сердечно-сосудистые заболевания, либо инсульт. Судя по состоянию здоровья Гафальда, скорее, первый вариант. Это ваша первая смерть в семье? – она обвела взглядом Роя, Мелию и ее отца, – Тогда понятно. Возьмите обучающие бро-

шюры в коридоре. Не поленитесь и изучите. Что касается вас, Гафальд, то можете воспользоваться салфетками с тумбочки и одеваться. Вам нужно еще сдать кое-какие анализы. Нона вам сейчас выдаст направления. Если есть какие-то вопросы... ах да.

Она отклонилась назад и взяла бумагу, только что вышедшую из принтера.

– Вот ваш снимок, не забудьте.

Гафальд, Мелия и Рой склонились над темным снимком УЗИ и изучали небольшую точку – зарождающуюся опухоль.

Гафальд схватился ладонями за рот, безнадежно обвел глазами кабинет, и загнулся над железной емкостью, стоящей у изголовья кушетки: его вырвало.

Мелия потрепала его по плечу и подала еще стопку салфеток.

– Это нормально? – спросила она у врача.

– Да. На первых порах всех тошнит, но к 10 неделе должно пройти.

Когда Мелия, Рой и Гафальд вышли на свежий воздух. Мелия тут же спросила:

– Папа, дорогой, сегодня в семь вечера у нас билеты на «Шелестящих журавлев». Ты готов пойти?

– Я думаю, мне нужно вздремнуть. Не подумай: я очень хочу пойти, но все эти новости, как снег на голову.

– Понимаю.

Мелия позвонила в ресторан “Лагуна” и заказала доставку

на ужин. Даже если они пропустят мероприятие, она намерена сделать сегодняшний вечер для отца запоминающимся.

Глава II

Постановка “Шелестящие журавли” прошла превосходно. Гафальд был в восторге, и это все, о чем на тот момент мечтала Мелия. Гафальд получил эстетическое удовольствие от актерского состава, от нового освещения театра, от музыки.

И на следующий день, когда она повела отца в парк кормить уток, и, потом, когда они ездили в магазин за продуктами, он вдруг рассмеялся в машине и признался:

– Ах, Мелия. Это определенно интересные занятия. Но когда мы уже сможем обсудить мои желания?

Мелия повернулась с переднего сидения и моргнула глазами.

– Твои желания?

Отец передернул плечами.

– Мне так неловко. Вы с Роем столько для меня делаете...

– Говори-говори.

– Дело в том, что у меня есть свои представления о том, как прожить мои последние девять месяцев жизни.

– Разве ты всего этого не хочешь? – Мелия растерянно взглянула за Роя, но тот сосредоточенно вел автомобиль. – Мы можем вычеркнуть полет в Индиану на девятом месяце. Я боялась, что он будет слишком трудозатратным на последних сроках.

– Я бы хотел вообще все пересмотреть, – Гафальд смущенно кашлянул.

В машине повисло тяжелое молчание, прерываемое бибиканиями, велосипедными сигналами и музыкой, доносившейся из кофеен с улицы. Мелия сказала:

– Хорошо. Ты прав, я тебя даже не спросила. Так чем же ты хочешь заняться? Не хочешь, чтобы приезжали внуки Эммы?

– Нет, речь не про них. Конечно, я хочу, чтобы все были в сборе.

– Но ты осознаешь, что занятия должны быть такими, чтобы всем было интересно?

– Дорогая, у меня не так уж времени. И в свои последние месяцы я хотел бы ориентироваться на то, чего хочу я.

– Хорошо, хорошо. – Мелия глубоко вздохнула.

Он начал перечислять. Во-первых, он хотел всех свозить на охоту. Мелия прекрасно знала, что большинство родственников – люди, придерживающиеся экологичного образа жизни, многие из них пробовали вегетарианство, и не особо любили охоту, но Гафальд хотел поохотиться с семьей как минимум раз в каждом месяце. Также он настаивал, чтобы на мероприятия покупали алкоголь, и желал, чтобы каждый с ним поднял по бокалу. Мелия сама уже давно не пила, поэтому это решение ей было в тягость. К тому же у Роя с алкоголем все было еще сложнее – он только-только завершил программу отказа от него, и один бокал мог все испортить.

Но черт с ним, с алкоголем. Мелия надеялась, что за эти годы Гафальд забыл, как он мечтал в детстве, чтобы все его дети пошли по тем дорогам, которые он им выбрал, но, к сожалению, он ничего не забыл. Он пожелал успеть увидеть, как Мелия реализуется как ведущая спортивных новостей, хотя она ненавидела выступать публично. Но так и быть, она согласилась устроиться в ближайшее время в подобную компанию, и в конце отцовского срока порадовать его авторской трансляцией.

В Рое Гафальд видел несостоявшегося начальника цеха, хотя тот по жизни никак не был связан с работой на заводе, все же Гафальд упрямо хотел это засвидетельствовать.

Что странно, он не так на этом настаивал. Он постоянно повторял “только если вы сами этого хотите”, но неуклонно стоял на том, что чего-то другого он не хочет видеть. И Мелия просто морально не могла отказать бедному на смертном одре, так сказать. Ведь скоро он их покинет. Мысли об этом мгновенно образовывали слезы в уголках ее глаз, поэтому она не только сама решила участвовать в его программе, но и созвонилась с сестрами и братьями, и договорилась, чтобы каждый также согласился. Отказалась только тетя Гала, сестра Гафальда, чем очень сильно напрягла всех остальных.

Однажды вечером двадцать восьмого апреля, когда во всем доме выключили свет, Мелия и Рой обнялись в супружеской кровати и начали целоваться. В дверь постучал и почти сразу же вошел Гафальд, махнув рукой, мол “не смущай-

тесь”. Он так и оставил свет выключенным, подошел, прилег рядом с Мелией и поцеловал ее в макушку. Кровать освещала только небольшая лампочка из закоулка коридора. Мелия с Роем так и лежали, как застывшие статуи, даже забыв расцепить пальцы на сплетенных руках. Гафальд расчувствовался, перелег на спину и стал пространно говорить:

– Мне уже семьдесят девять. Это большой возраст. Ты всегда была моей любимой дочкой, Мелия. Всегда меня так радовала. Ну вот скажи, почему же мы так редко общались? – он потрепал ее за плечо, и ей пришлось выпустить руку Роя и взяться за отцовскую. – Я приглашал вас на день Зимнего Солнцестояния в этом году, а ты даже не ответила. Хотя раньше хотя бы отправляла посылки. Просто объясни, может, ты была на что-то обижена?

– Нет, не была, – тихо ответила она.

– Представляешь, сколько бы у нас было времени, если бы мы проводили больше времени постоянно? Если бы виделись часто? Ведь помните, а? – он резво приподнялся на логте и опять повернулся к Мелии и Рою, – Помните, как вы только поженились, и я предлагал вам поселиться в соседнем коттедже на нашей с матерью улице? Если бы вы остались, она бы не ушла от меня.

– Думаю, все было сложнее, папа.

– И Леон, и девочки... все отказались, разъехались.

К горлу Мелии подступил всхлип и она чудом подавила его. Отец продолжил:

– И что же ты, думаешь, я не понимаю, что вы хотели личного пространства? Ну так я бы вас не тревожил. Ведь речь шла про соседнюю улицу, а не про соседнюю комнату! Я бы заходил иногда. Только, когда бы вы хотели. – он охнул в сердцах, – Вот как сегодня отлично поохотились на зайцев. Неужели не понравилось? Сколько пропущенных возможностей.

Мелия на этот раз собралась ответить, но поняла, что всхлип, который она подавила, образовал непроходимый ком, и теперь она просто не может что-то сказать. Рой присел на кровати, оказавшись ко всем спиной, но не решался уйти. Отец продолжил:

– И проведи ты со мной больше времени, доча, ты бы точно еще сильнее полюбила спорт. Тш-тш, дай мне договорить, – он погладил ее по руке. – Ты просто никогда меня не слушала, – он хихикнул, – Но если бы мы больше говорили, сидели бы вечером на веранде, общались, то ты бы все поняла. Ведь согласишься, я старше и у меня больше опыта.

– Гафальд, мне кажется... – начал Рой.

– погоди, Рой, я знаю, ты меня тоже поймешь, когда дослушаешь. Я же не просто так к вам пришел на ночь глядя. Я хочу сказать, что порой вы, малыши, такие смешные. Так меня радовали в детстве, но вот я, старый дурак, видимо не имел мудрости обойти ваше упрямство, и всех растерял. Знайте одно – вот об этом я очень сожалею. Я просто сдался, и подумал, что раз вы так решили, так тому и быть. Старался

быть вежливым и удобным. Но вы не повторяйте моих ошибок. – он задумался. – Да. Не повторяйте моих ошибок.

Последние пять минут Мелия просто лежала в кровати и вытирала то один глаз, то другой, и шмыкала носом. Отец встал и ушел, аккуратно закрыв за собой дверь. Рой сказал, что ходит за кувшином с водой. После этого разговора она не могла уснуть еще полночи, а на утро призналась Рою, когда они столкнулись за утренним туалетом. она оперлась о край ванны и заговорила. Сказала, что верила, будто отец не затронет все эти сложные темы.

– Мы всегда были очень разными людьми с отцом, Рой. Но он мой отец. И тем сильнее боль от нашего различия. Что же мне делать?

– А какие у нас варианты? – спросил Рой, усердно вытирая волосы полотенцем.

– Он уже попросил исполнять его желания. Все уже пошло не по плану! Если мы будем плясать под его дудку, то чертовски вымотаемся к концу этих девяти месяцев. У меня сегодня все тело болит после охоты. И кошмары снились про трупы бедных животных. Надо что-то придумать. Я не хочу его ранить.

– Рой выплюнул ополаскиватель изо рта в раковину и ответил:

– Но он же не боится ранить тебя.

– Дело в том, что я не смогу с этим жить потом, Рой. Я себя знаю. Если я испорчу отцу последние месяцы, это ля-

жет на меня тяжким грузом, и я не уверена, что вытяну. Мы должны с ним поговорить, – она кивнула самой себе, – Я с ним поговорю.

Мелия решительно встала и пошла натягивать спортивную форму: в новой программе, составленной Гафальдом, у них была поездка на роликовых коньках по самому крутому склону города. Мелия взяла шлем и примерила его у зеркала, перепутав зад с передом, выругалась и затем надела правильно.

Глава III

Семья Валишей во главе с Гафальдом в середине июля в четвертый раз посетила центральную больницу, где Гафальду сделали УЗИ. Опухоль, растущая между желудком и печенью, достигла уже размера десяти сантиметров в диаметре и все также напоминала шар. Узист похвалил практически идеальную округлую форму, дал очередные рекомендации и отпустил всех.

На выходе из больницы Гафальда и Валишей встретили младший сын Вердан с женой и двумя детьми-дошкольниками, вручили разноцветные надувные шарики и горсть леденцов в форме рыбок, которые Гафальд особенно любил.

На этих выходных Гафальд запланировал вечер караоке: он отметил, сколь приятно ему будет послушать песню от каждого члена семьи, посвященную ему.

Над задним двором Валишей сгустились летние сумерки, и сын-подросток тети Галы настроил технику и колонки. Заиграла музыка в стиле лаунж. Родственники окружили несколько садовых столиков у задней стены дома и сильно нервничали, как на экзамене: так уж получилось, что никто из них не любил публичных выступлений, и никто из них не мог похвастаться выдающимися вокальными данными. Сегодня съехались почти все, кого Гафальд хотел видеть, кро-

ме Амелии – его бывшей жены, матери Мелии.

Когда неловкая пауза затянулась, Мелия чертыхнулась и первой вышла с микрофоном и стала покачиваться из стороны в сторону: играла лирическая баллада времен молодости Гафальда, которую он часто напевал под нос в ее детстве. Мелия встретилась глазами с Гафальдом. Он сидел в первых рядах на плетеном стуле, положив руки сверху своего чуть округлившегося живота и довольно улыбался. В его глазах плясали игривые огоньки, а улыбка подчеркивала круглые румяные скулы.

Мелия немного с запозданием вошла в начало первого куплета, но старалась не думать о качестве своего вокала – только лишь о том, чтобы вложить в свое пение душу и чтобы отец, конечно же, это почувствовал.

На припеве она закрыла глаза, чтобы лучше чувствовать ритм, но в следующем за ним гитарном проигрыше пришло тупое осознание – ее голос был слишком низок для всей песни в целом: вот почему она не вытягивала практически ни одну строчку. С этим настроением она допела все остальное, а после песни подошла и обняла отца. Он радостно похлопал ее по спине.

Мелия зашла в дом, чтобы налить себе стакан воды. На кухне ее уже поджидали все родственники из Старого Города с недовольными лицами.

– Что, черт возьми, такое с вами, ребята? – спросила тетя Эорелия, – Это Гафальд придумал, или вы? Мы на такое не

подписывались.

Мелия звонко поставила стакан на кухонную столешницу:

– Да, это он придумал. И настаивал, что никто не обязан в этом участвовать. Но мы все должны понимать, что... должны это сделать для него, как бы он сам не отнекивался. Так будет правильной всего. А что вам не нравится?

– Ты должна это немедленно прекратить. Сейчас уже не принято, чтобы вокруг умирающего водили такие хороводы! Что за театр?

– Ну, тетя Эорелия, – Мелия взяла ее за руки, – Потерпите немного. Осталась половина срока. Вы не приезжали все это время. Здесь мы старались с Роем, в основном. А вы еще жалуетесь.

– Да я просто не привыкла играть под чью-то дудку, девочка моя. Я вас всех люблю, но у любой любви есть предел. Не хочу и не буду.

За спиной тети ее муж, две сестры и их старшие дети кивнули.

– Хорошо, – Мелия сложила руки на груди, – Тогда скажите ему сами. Я же вам не переводчик. Это ваш брат, вот и скажите.

Эорелия насупилась и пошла во двор. Там пока пели на пару внук и внучка Гафальда. Эорелия так за весь вечер и не собралась подойти к Гафальду, но никто с их стороны родни выступать тоже не стал. Рой под шумок тоже отказался участвовать. Мелия отметила, что, к счастью, отец этого про-

сто не заметил, но, когда большинство родственников уехало, он подошел и спросил у дочери, почему многие отказались.

Мелия перекинула волосы на другое плечо и устало ответила:

– А как ты сам думаешь, пап?

– Если они стеснялись петь, то я же всех сразу предупредил, что пусть никто не стесняется!

Дочь глубоко вздохнула и отставила гору тарелок поближе к посудомойке. Она сказала членораздельно:

– Ты требуешь от окружающих слишком многого. Понимаешь?

Гафальд задумался, а потом сам же поперхнулся пришедшим осинением:

– Но я бы сам был готов все сделать как полагается в подобной ситуации!

– Не сомневаюсь. Но не все готовы на такое.

– Если бы ты попросила меня станцевать чечетку, я бы станцевал.

– Ты бы итак станцевал чечетку, без моих просьб, пап. Ты попробуй представь, что я тебя попрошу одеться в рэперском стиле. В шубу. И повесить золотую цепь на грудь.

– Ты захочешь, чтобы я выглядел глупо?

– Это теоретический вопрос. Допустим, мне нравится рэп, а ты – мой любимый отец. И это будет моим последним желанием.

– А еще я всей душой ненавижу рэп.

– Я помню, – ухмыльнулась Мелия. – Именно поэтому я спрашиваю именно про рэп.

– Ну, конечно, я бы оделся как ты скажешь, как идиот, – махнул он рукой. Но по его кислому лицу было заметно, что его убежденность дала трещину.

Мелии показалось, что Гафальд что-то осознал. Он пошел с Роем относить садовые столики и стулья в гараж. Мелия прибиралась на кухне и в доме, и в ее груди хрупким цветком проросло ощущение, что еще есть надежда: что Гафальд все осознает, и наступит долгожданный мир и взаимопонимание. Той ночью Мелии снились воздушные сны, где она летала.

А на утро отец за завтраком спросил:

– Ну что, сегодня снова на охоту?

Рой неуверенно кивнул. Когда Мелия дожевала бутерброд, она ответила:

– Ты помнишь, о чем мы вчера говорили поздним вечером?

– Конечно.

– Папа, может ты все-таки пересмотришь свою программу мероприятий? Пожалуйста.

Гафальд насупился, а потом швырнул тканевую салфетку и встал как бык над столом, упершись в него кулаками.

– Да что вы все заладили с этой программой? Твой отец хочет того-то и того-то. Какие проблемы? Я не понимаю.

Рой, ну скажи ей, что я прав! Неужели я хочу слишком многого? У меня осталось пять месяцев. Черт! Уже даже четыре. Так хотелось в последние месяцы видеть перед собой тепло и заботу, но какие же вы упрямые дети. – он покраснел, – Я тогда пожалуй уеду. Не хотите – ну и не надо!

Гафальд отряхнул руки от хлебных крошек.

– Ну и не надо! – повторял он и пошел вон из кухни.

– Гафальд, – Рой встал из-за стола. – Не горячитесь.

Гафальд вытянул перед ним руку, как бы останавливая. “Я вас понял. Не хотите – не надо.”. Мелия сидела как каменная статуя за столом, смотря в одну точку – на раскрытую сахарницу.

Гафальд и вправду пошел в свою комнату и стал собирать свои вещи.

– Я умру один. Никого мне не надо. – раздавалось оттуда, – Как я мог подумать, что я кому-то нужен на этой Земле? Какой же я тупой! Надо было слушать Амелию.

Рой подошел к угловому шкафчику и неверной рукой налил себе на доньшко ягодной настойки. Выпил залпом, поглядывая на Мелию. Она так сидела за столом застывшая очень долго: все время, пока Гафальд одевался, собирался, вытаскивал две своих сумки во двор и ждал такси. Рой предложил его подвезти, но тот принципиально отказался. Когда такси уехало, Мелия пошла в ванную комнату, заперлась там и разрыдалась.

Глава IV

Мелия не стала созваниваться с отцом ни в тот же день, ни на следующий. Он уехал в Леополь, а Валиши продолжили свою жизнь так, будто не было никакой новости о скорой кончине Гафальда. Словно он просто умрет в одиночестве и никто о нем не вспомнит. Это не было правдой: Мелия вспоминала о нем каждый день и мучилась страшным чувством вины. Иногда ей хотелось все бросить, позвонить отцу и сказать “Забудь все, что я говорила. Я сделаю все, что хочешь, только приезжай и не обижайся!”, но она сдерживала себя, понимая, что это уже пройденный этап. Она уже пробовала делать все, что отец хотел, и это не привело к такому желанному взаимопониманию. Ни разу в жизни у нее не было ощущения, что Гафальд понял ее до конца. Всегда оставалось небольшое пространство для ощущения, что он вообще не знает, кто такая Мелия и что из себя представляет.

Август Мелия встретила тяжелой депрессией. Ничего не хотелось, мир казался серым и беспросветным. Она чувствовала себя убийцей: будто бы именно от нее зависело счастье этого человека, и она его подвела. Жаркие солнечные деньки и поездки с Роем на природу не особо помогали. Где-то тринадцатого августа, в полдень, глядя на озерную рябь под мелким грибным дождем, она поняла, что взаимопонимание

с отцом в принципе невозможно в природе, как и единороги. Осталось только похоронить эту мечту. Поэтому, пока Рой дремал в палатке, она решила провести прощальный ритуал: взяла из своей сумки льняной носовой платок, достала из кармана леденец в форме рыбки, который отец когда-то подарил ей. Она освободила леденец от обертки и сложила в платок, а потом закопала этот кулек между двух вековых сосен, присыпала влажными еловыми иголками. Дождик прекратился. Мелия вернулась в палатку и вскоре тоже быстро задремала под боком Роя.

Дальше жилось гораздо легче. Пролетели сентябрь, октябрь, ноябрь. В декабре Мелия набрала номер отца и поделовому сообщила, что завтра они за ним заедут и вновь привезут к себе – чтобы он провел у них последний месяц.

Гафальду было уже тяжелее передвигаться из-за разросшейся опухоли. Его живот заметно выдавался вперед, прямо как у беременных на шестом месяце. Он не жаловался, но вел себя тихо и смиренно. Он не начинал разговор о своих последних желаниях, поэтому Мелия сама ему сообщила, что он может вновь их проговорить, и родственники сделают то, что в их силах. Гафальд достал свои записи и озвучил все то, что и раньше: снова коллективные выезды на охоту, караоке-вечера, снова поездки на роликах. Мелия усмехнулась мелькнувшему в груди чувству: неужели ее надежда до сих пор жива, и крохотная часть ее души надеялась, что отец все переосмыслил?

Мелия твердо решила доиграть это шоу ради отца.

И приехала тетя Гала с семьей, и Вердан тоже отозвался. Вновь все участвовали нехотя, из чувства долга и уважения к институту семьи. На очередной охоте Рой случайно подстрелил одиннадцатилетнюю дочь Вердана. Ранение было незначительным, в ногу, но разгорелся скандал, который в спешке погасила Мелия, заверив Вердана, что они с Роем оплатят лечение. Гафальд тоже принес Вердану глубочайшие изменения, но не вычеркнул из плана охоту на следующей неделе.

В последнюю неделю жизни Гафальд организовал вечер в ресторане и произнес длинную прощальную речь: о том, как всех любит, с благодарностями к тому, как все старались ему угодить, и как он это ценит. Он заявил, что очень доволен жизнью, и последний год был самым счастливым в его жизни, за исключением детства.

– И я очень жалею, – сказал Гафальд, – что мы с вами не общались также тепло и часто прежде. Время не вернуть вспять. Желаю всем вам не упускать возможностей, и проводить с любимыми людьми как можно больше времени.

Родственники выстроились в очередь, подходили к сцене, где стоял Гафальд. Мелия помогла ему поставить микрофон в стойку. Родственники принялись его обнимать и вручать цветы – в основном, розовые розы и колокольчики, которые он любил больше всего. Многие рыдали и кивали, повторяли его последнее замечание: “Да, Гафальд, мне тоже очень горько, что мы не общались чаще!”.

После последнего обнимания Гафальд отошел к столу с закусками, взял мини-бутерброд с сырным кремом, и поднес ко рту. Потом отложил в сторону и ухватился за стол, присел. Мир затрясся, схлопнулся. Что-то ужалило его в сердце и он весь сжался, взялся за грудь. Силился вздохнуть, но не получилось. Когда подбежал Вердан, Гафальд уже опрокинулся на пол. Мелия оледеневшими руками схватилась за телефон и позвонила в скорую по быстрому набору. Она упала рядом с отцом и взяла его за плечи. Она повернула его лицо к себе и проверила дыхание, прижалась к груди. Вердан что-то говорил, но она не слышала. Гафальда перенесли на диван и окружили, а Мелия сидела на краю дивана и держала его за руку, еще такую теплую, даже горячую. Она задыхалась от ужасающего осознания: все, это конец. Конец. Его больше нет, и она уже никогда ничего не успеет исправить. В зал вбежали два врача скорой помощи. Она изо всех сил прислушивалась к тому, что они говорят: вдруг, она все-таки что-то не так поняла, и приблизительный срок смерти не сегодня. Вдруг врачи ошиблись, и он еще мог жить. Гафальда стали перекладывать на носилки и Мелия отпустила его руку.

Глава V

В первых числах января Мелия и Рой появились в парадных дверях крематория и стали спускаться по ступеням к проезжей части, где уже сгруппировались остальные родственники Гафальда. Мелия держала в руках урну с его прахом; Рой нес в руках сверток с окаменелой опухолью, которую вырезали из живота Гафальда после его прибытия в морг. Злокачественное образование сформировалась практически идеальным соляным шаром, который в диаметре достигал сантиметров тридцать и был серо-песчаного цвета, с гладкой поверхностью. Его обернули в одеяло, так как на морозе он мог треснуть.

Мелия спустилась до середины лестницы и вдруг замерла – она уставилась на противоположное здание через дорогу – центральный роддом. Там, на таких же симметричных ступенях спускалась пара супругов с двумя свертками на руках. Похоже, они несли новорожденных близнецов. Рой поравнялся с Мелией.

– В чем дело?

Раздался звук хлопушки, веселого смеха и открывающегося шампанского. Мелия повернула голову направо – через дорогу от перекрестка стоял центральный ЗАГС, где как раз сейчас на улицу выбежала невеста с женихом, и их окружили

друзья и родственники.

– В этом месте, между этими тремя зданиями я всегда себя очень странно чувствую. То ли головокружение, то ли экзистенциальный кризис.

Рой еще раз оглядел крематорий, роддом и ЗАГС, между которыми они оказались, и согласно кивнул.

Они подошли к группе своих родственников. Вскоре все погрузились по машинам и поехали в дом Велишей— теперь уже точно в последний раз отмечать поминки Гафальда.

Когда первые напитки были выпиты, и тетя Гала помогла с тем, чтобы вынести закуски в гостиную, Мелия предложила отдать прах Гафальда на хранение Вердану. Никто не был против – с этим сыном у Гафальда были самые лучшие отношения. Именно с ним рядом он провел последний десяток лет. И сам Вердан с удивлением выяснил, что ему больше всех важна память об отце в этом смысле. Он принял урну.

Что касается опухоли, то ее поставили на край стола в одеяле, словно хлеб в полотенце, и развернули. Рой аккуратно разрезал окаменелость для Вердана, тети Галы, и двух двоюродных сестер Мелии. Чтобы те хранили свои части, как память. Мелия от своей части отказалась. Уже через два часа половина родственников покинула дом, даже не дождавшись десерта.

Когда Велиши проводили последнего гостя, Мелия собрала в гостиной пустые стаканы на поднос, а потом устало опустилась на диван. В прихожей зазвонил ее телефон, и Рой

принес телефон ей. Это звонила Амелия, мать Мелии.

Она ради галочки поинтересовалась, как прошли поминки. А потом вдруг сказала:

– Знаешь, Мелия, я не хотела говорить, пока твой отец не умрет, чтобы не мешать церемониям. Дело в том, что у меня тот же диагноз. Мне осталось восемь месяцев до смерти.

Мелия оглушенно промолчала.

– Дочь? Ты оглохла?

– Нет. Я слышала.

– Надеюсь, теперь мне можно будет у вас погостить?

Мелия выпрямила спину и села на край дивана, схватившись за подушку.

– Подожди, мам. Ты так внезапно. Подожди.

– Что же здесь думать? Вы девять месяцев водили хоро- воды вокруг Гафальда. Я думала, это условности. Но... ты моя дочь. Мы обязательно должны попрощаться как следует. Мне так тебя не хватало.

– Подожди, мам. Я так устала. Мне надо подумать.

– Что же здесь думать, дурочка? Других месяцев у меня не будет. Эти – последние!

– Так, – Мелия сказала строже и приставила палец к своему виску, помассировала. – Мы обязательно повидаемся с тобой в последний месяц. Устроим поминки в один из вечеров.

– И все? – ошарашенно спросила мать.

– Сейчас уже никто не празднует все девять месяцев, мам.

– Но вы только что это сделали для отца. Вы там с ума все сошли что ли?

– Мы ошибались.

– Но почему не отпраздновать? – в голосе матери появились плаксивые нотки. – Что же плохого?

Рой пришел за подносом со стаканами и застыл, глядя на Мелию. Ее лицо перекосило от гнева. Мелия закрыла глаза, глубоко вздохнула и сказала в трубку:

– Послушай, мама, внимательно. Если бы мы с тобой были действительно близки, нам бы не нужен был повод в виде твоей смерти, чтобы общаться чаще. Мы никогда не были близки. Ты слушаешь? – Мелия подождала, пока в трубке утихнут всхлипы, – Мне всегда хотелось, чтобы мы были дружны, но этого не было. И девять месяцев ничего не изменят, к моему глубокому сожалению. Ты согласна?

– Я не знаю, – с мучением выдавила мать. – Мы должны попробовать.

– Что нам мешало пробовать все эти годы, мам?

– Я не знаю, не знаю, – мать снова зарыдала. – Почему ты так жестока?

– Потому что я все поняла. Те люди, которые важны друг другу, итак постоянно на связи, без всяких известий о скорой смерти. Все остальное – театр и показуха.

– Это не так. Я очень тебя люблю, глупышка. Но ты меня отталкивала. Я боялась навязываться, Мелия!

Мелия закрыла глаза и придержала лоб ладонью, ответи-

ла:

– Ты никогда меня не слушала, мама. Ты никогда не интересовалась мной. Чем я живу. Из-за чего я не могу заснуть. И что заставляет меня встать с кровати утром. Ты всегда говорила только о себе. После общения с тобой у меня остается только тяжесть в груди и расстройство пищеварения. Ты убиваешь мою самооценку. Ты действительно хочешь сейчас все это выяснять?

– Я не знаю. Ты всегда была такая грубиянка.

– Мне тоже очень грустно, что у нас с тобой не сложились отношения. Но они не сложились давным-давно. Надо было еще тогда их оплакать. Я считаю, для всех будет лучше, если ты проведешь это время с людьми, которых ты любишь, и которые любят тебя по-настоящему.

– Но у меня никого нет, глупышка.

– Ты уже одиннадцать лет живешь с Кеверином в гражданском браке. А как же ваши друзья? Твои подруги?

– Мы постоянно ссоримся. Ты же знаешь, я не могу проводить с Кеверином дольше трех суток, а потом выгоняю его в отель. А подруги... подруги все как одна идиотки.

– Если бы не можешь ни с кем ужиться, почему я должна быть крайней, мам?

– Не груби мне!

– Почему я должна быть крайней?

Мать оборвала разговор.

Мелия подняла глаза на Роя, который все это время так и

стоял рядом. Рой спросил:

– Ты серьезно не будешь с ней видеться?

Мелия легла на диван боком, подтянула ноги и обняла себя за живот.

– Если только ради галочки, Рой.

Через неделю Мелия и Рой наконец-то собрались с близкими друзьями, с которыми не удавалось по-нормальному увидеться последние девять месяцев.

Пожизненная беременность

Моя мама, Тельза, росла любвеобильной девочкой.

«Из всех прочих, воспитание Тельзы – многообещающее, – сказал мне голос и это стало первым моим воспоминанием».

Впоследствии я назвал голос Сияющим Светом. И, несмотря на многообещающую мать, я все еще сомневался.

Бабушка и дедушка подарили ей трех щенков, чтобы удовлетворить ее стремление к общению.

Моя мама Тельза кричала и хлопала в ладоши:

– Когда я вырасту, у меня будет большущий дом!

Дедушка Гвин с удовольствием принимал участие в воспитание, любил катать Тельзу на плечах, люил слушать ее смех.

– Я рожу тебе много внуков, папа! – обещала моя мама Тельза. Сияющий Свет мне все показывал. Она бегала по дому как самолет. Соседи вечно жаловались деду Гвину. Обычно он выпроваживал их за дверь, выслушивал нотации, но ничего не высказывал своей девочке. Она радовала его душу. Дедушка Гвин работал в продуктовой компании и единственным лекарством от стресса и всех напастей считал лишь свою дочь.

– Что они сказали? Я громко бегаю?

– Нет, девочка моя, все в порядке. Это собаки громко гавкают. Но ты не беспокойся, я с ними договорился, с собаками

ми...

Нельзя сказать, что дедушка Гвин легко отпустил дочь, когда очередной ухажер спросил ее руки и сердца. Но дед Гвин преодолел себя.

– Позаботься о ней.

– Я позабочусь о ней, – пообещал Герд и увез маму Тельзу в новый трехэтажный дом. Вскоре она забеременела.

Дедушка Гвин приложил руки к животу Тельзы.

– Какое счастье!

Дедушка ярко представил себе своего внука внутри живота – то есть меня.

Так прошло восемь месяцев. И дед, и папа жили как на иголках.

Дедушка Гвин переехал в дом к моим маме и папе, чтобы помогать по хозяйству и разгрузить в бытовых вопросах молодую маму.

– Так! Скоро наступит время рожать!

Но мама Тельза не родила ни через неделю, ни через месяц после этого. В один из дней она вновь мучилась на кушетке в гостиной.

– Со мной что-то не так!

Папа Герд прикладывал влажную тряпку к ее лбу.

Врачи разводили руками; никто не мог сказать, что с ней.

Она не родила ни через пару месяцев, ни через четыре месяца, пять месяцев, ни через год, ни через два.

С тех пор мама ежемесячно проходила осмотр. За ней на-

блюдало почти все сообщество передовых умов человечества.

Наблюдало и в тот день, когда на девятом месяце я не родился и прекратил развиваться.

– Мы сделаем кесарево, – предложили врачи.

Но мама Тельза с детства боялась операций: с двенадцати лет развившаяся гемофилия, несворачиваемость крови. Операцию отменили. «Кроме того, это отличный шанс понаблюдать за феноменом, – заметил один из наших докторов».

«А Сияющий Свет все наставлял, чтобы я вышел. Я уже честно собирался, но помедлил. Как вдруг обнаружил, что можно не выходить».

Мама Тельза продолжала заниматься хозяйством, вела уроки литературы в лицее для одаренных детей и частенько прикладывала руки к животу, чтобы почувствовать мое движение внутри. Я понимал, что занимаю много места, что служу ей пятнадцатикилограммовой обузой и старался особо не надоедать: много спал и отдыхал, веселился вместе с ней лишь, когда она звала меня.

В один из осенних пасмурных деньков мама Тельза прижала руки папы к своему пупку и сказала:

– Сегодня малышу исполняется пять лет. Сегодня он необычайно активен.

Папа Герд знал это ее состояние – каждый год перед потенциальной датой моего рождения она заводилась, как ненормальная, и верила, что вот-вот родит, но я как обычно

ее разочаровывал и оставался втүтри.

– Я устал, дорогая. Не то, чтобы я тебя не люблю, но я хочу детей.

Они с мамой Тельзой не прекращали половую жизнь, и в самом деле мне даже не мешали. У меня было много своих собственных занятий на это время. Однако новых детей сделать снова у них не получалось – я занимал вакантное место.

– Знаешь, Герд, если судьба, малыш бы подвинулся.

И действительно, я, нерожденный мальчик Эклъ, в день пятых именин подвинулся. И в животе мамы Тельзы начал развиваться долгожданный второй плод (на который возлагали не меньше надежд, чем на меня).

Око передовых умов пристально следило за ситуацией, готовое в случае чего вмешаться.

– Я волнуюсь, Герд. Что, если они оба погибнут?

– Нет. Мы не будем думать об этом.

Всю беременность родители держались друг за друга, как за спасательный плот. Папа Герд мечтал о девочке, чтобы воспитать ее принцессой. Свою мечту о сыне он похоронил.

«И вышла сестра моя, а я остался. Сияющий Свет настаивал сильнее, но я был не готов. Мне разрешили остаться. Я почувствовал».

Моя сестра уговаривала меня и пинками, и поглаживаниями, но я так и не смог решиться. Я слишком любил маму и её теплую утробу. Мне никогда не понять сестру, которая говорила что любит, а тем временем, с такой легкостью вы-

шла наружу.

Папа принял дочь на руки и радостно выдохнул:

– Моя мечта сбылась!

Врачи возились над распахнутыми ногами мамы. Они видели мои ноги, видели, как я подтолкнул сестру, но сам остался внутри. Это был их медицинский провал. Двое врачей после этого случая уволились: решили, что акушерское дело – не их призвание.

Мама Тельза стонала, металась из стороны в сторону на кушетке:

– Почему он не вышел? Почему Экль не стал выходить? Они были бы отличными близнецами!

– Он был бы на пять лет старше сестры, маменькин сынок.

– Не шути так!

– Мы попробуем снова. Думаю, он сам выберет, с кем вый-ти.

– Может, с прошлой жизни у него много психотравм, и он решил, что ему безопаснее отсидеться в моем животе? Может ему важно быть со мной в непрерывном телесном контакте, чтобы исцелить свои душевные проблемы.

Папа Герд продолжал ругаться.

– Легче было бы сразу умереть. От чего он прячется в тво-ем животе? У нас отличная семья! А как же я? Я стал бы отличным отцом! А дедушка? Мы максимально адекватные родственники!

Дедушка Гвин кивнул зятю; тот качал на руках мою сест-

ру. .

Вскоре мама Тельза и папа Герд вновь зачали ребенка, и снова мальчика.

– Это отличный шанс! – потер руки папа Герд. Он сидел рядом с мамой напротив медсестры на УЗИ.

Мужчина ничего не говорил жене. Он решил действовать самостоятельно. С тех пор, как она беременна мной – беременность дает ей чувство безопасности. Поэтому, в первые в моей жизни, когда мама заснула, папа Герд задрал одеяло, обнажил мамин живот и прислушался.

Он слушал мои движения, к которым уже успел привыкнуть. Я был его нерожденный горячо любимый сын, которого он видел только на экране монитора, которого чувствовал каждый день под ладонями рук.

– Экль.

Папа Герд старался говорить тихо. Мамин живот заурчал и я невольно шевельнулся в ответ на прикосновение папиных рук.

– Я обращаюсь к тебе, мальчик. Тебе уже семь лет с лишним. Ты совсем большой. Ты должен понимать, что пора выходить оттуда. Ты понимаешь?

Мамин живот снова заурчал. Однако мне не нашлось что ответить.

На следующий день маму Тельзу пришлось везти в больницу – она начала рожать. Но то оказалось ложной тревогой. Родители чуть не потеряли второго сына. Папа Герд испугал-

ся и решил больше не обращаться напрямую ко мне.

С тех пор утекло много воды, и мои родители зачали и родили Нукля, Киара и Сию. Все это время я оставался внутри и по всем подсчетам являлся уже взрослым человеком. Являлся бы.

Родители потеряли всякую надежду вызволить мальчика и, в конце концов, привыкли к этому нестандартному положению матери. Не прошло и десятка лет, как у них появились внуки, затем, пара правнуков.

И вот однажды, в один не совсем солнечный день, когда папа Герд держал маму Тельзу за руку, она умерла – от старости, счастливая.

Ужасаясь, папа Герд понял, что умерла только моя мама, но я все еще сидел внутри и не хотел умирать.

Папа привел себя в чувство, позвонил врачам. Его внук помог привезти тело мамы в больницу, и меня извлекли.

Папа Герд, ошеломленный, взял меня, своего пятидесятилетнего первенца, на руки.

Он смотрел в мои глаза, расширенные до пределов зрачки, рассматривал напряженные мышцы лица. Я чувствовал себя, словно загнанное в угол животное. Я пытался совладать с телом, совершал хаотичные движения руками и ногами, тщетно искал путь назад, в убежище. Папа Герд не мог стерпеть этого.

– Перестань, Экль! Ты родился на Земле. Ты должен понять, что мы здесь все ждали тебя и были замечательной се-

мьей! Мы хотели тебя!

Я издал глубокий пронзительный вопль. Раскатисто, срываясь со связок. Мой голос обращался к каждой живой душе в помещении. Я распахнул налитые розовые глаза и слепо перемещал взгляд, словно от одного разочарования к другому. Я не хотел жить – руки металась в совершенно чужом для него теле, губы хватали и судорожно выталкивали нежеланный земной воздух. Ногами я невольно отталкивал отца, которого давно знал, заботливые руки врачей, теплые пеленки.

Герд и Стак отвезли меня домой. Герд не расставался со мной ни на секунду.

«Мать моя умерла и увидел я Свет, но уже не был он Сияющим. И начал я забывать его».

Папа Герд, несмотря на преклонный возраст, обеспечил космический уход за младенцем. Он объяснил своим внукам, как важно заботиться обо мне, как важно удовлетворить все мои потребности. Внуки терпеливо выслушали Герда, но остались при своем мнении.

Когда Герд отошел на Свет Иной, мне пришлось не сладко. Умом я понимал, что получил от жизни и любовь, и доброту. Однако все дальше продолжал смотреть на свои сморщенные руки, словно после долгого сидения в ванной, затем переводил взгляд на небо и глубоко вздыхал легкими, которые не могли расправиться до конца. Так я мог долго сидеть в неподвижности и смотреть на один предмет, затем на дру-

гой, качать головой из стороны в сторону. И забывать. Все что я делал – это забывал. Со временем я выяснил, что так становилось легче.

Перед началом летних каникул Стак с младшими дочерьми взялись и нашли достойный приют «Акторис», санаторий для восстановления и реабилитации людей с психологическими травмами. Им понравилось описание, и в первую неделю, когда вся семья была свободна, мы вместе поехали разведать обстановку.

Они усадили меня на веранде одного из дощатых домиков. Стак подошел и похлопал меня по спине. Я изо всех сил старался видеть в нем не только чужого человека. Я снова настроился смотреть на верхушки деревьев.

– Здесь полегче?

– Да, – ответил я, – можете оставить меня.

Стак спустился с веранды и сделал пару шагов в направлении родных, расположившихся на лужайке.

– Спасибо, – услышал он мой голос за спиной, и развернулся.

Я смотрел на ворон, которые выют гнездо над самой крышей. Стак услышал, как я сделал глубокий продолжительный вдох. Затем наступила пауза. Стак напрягся, я видел это в его сведенных чуть приподнятых плечах. Затем все-таки я сделал выдох, и увидел облегчение на лице моего родственника.

Я опустил взгляд в землю и произнес:

– Идите, будьте спокойны. Я справлюсь.

В сердце кольнуло, с какой легкостью Стак развернулся и зашагал к семье. На мгновение мне стало дико страшно: он – последняя ниточка, пуповина, которую надо когда-нибудь отрезать. Спустя пару минут, когда Стак и семья скрылись из виду, я взял себя в руки и вернулся к наблюдению за воронами.

Семья Боворов

Семья Боворов отличалась своей необычностью. Тинк и Тильда, супруги, уже не помнили день их знакомства. Они будто жили вместе вечно.

Их дочери – Тайс двенадцати лет, Тэнда – одиннадцати и Бой, десяти лет, с рождения вели себя непослушно.

Боворы владели замечательным домом, в лучших традициях акратиристианских семей – трехэтажным помещьем на окраине селения. Внутренний дворик, сад вокруг и шишкинский сад с плетеным забором, по которому гуляли олениа.

Все это Тильда очень любила. Но дело в том, что земля эта принадлежала государству.

А Тинк очень не любил, когда что-то принадлежит государству. Все бумаги он оформлял на семью. Однако после смерти всех членов семьи оказалось, что власти все равно раздерут дом на кусочки.

А Тинк очень хотел, чтобы всех членов семьи похоронили на их собственной земле, в сени дерева Эммы (он так любил свою землю, что и каждому дереву и кустику давал имя).

Несмотря на то, что Тинк и Тильда любили друг друга, они часто ссорились по этому поводу. Жена не хотела слушать мужа в этом вопросе. Она прижимала к себе светлую, густую, как конский хвост, косу и качала головой, словно индианка или отпятая афроамериканка.

– Тинк, ты выжил из ума. Ты. Выжил. Из ума, – говорила она. – Ты, мать твою, землю нашу хочешь продать. На что ты ее, мать твою, ты заменишь?

Тинк шевелил руками волосы на макушке и запинался об родинки на ней.

– Это не наша земля, – он поднял руку в кулаке, чем испугал жену, ее круглые щеки покраснели от гнева. – Я, блин, хочу счастья нашим малышам. Хочу, блин, им счастья.

– Все понятно, Тинк, ты хочешь им счастья.

Она с горем пополам взялась за сковороду и нажарила им блинов, больше похожих на омлеты.

Тинк считал себя малоимущим гражданином несмотря на то, что государство дало им максимум; он негодовал.

– Они купили наши, блин, души, Тильда. Твою душу купили. Ты ли это, кто меня любит? – он постучал ей в спину – она одернула плечо, закусив губу.

– Папа, а где мы будем жить? – спросила малышка Бой. Она возила вареньем по фартуку матери. Другие девочки заливались смехом счастья на веранде, обхохатывались, что есть мочи.

– Я знаю ответ. Пора снять повязку с глаз. Нам тут хорошо, но это все не наше. Это иллюзия.

Спина Тильды содрогнулась, она чувствовала, что настал день Би. В день Би, пятую среду второго месяца года, Тинк всегда принимал фундаментальные решения.

Тинк, потирая щуплые руки на крепком теле, собрал че-

моданы и попросил девочек оставить всех дорогих кукол в доме – те, что они получили на благотворительной акции от последователей прокриншадской веры.

И только затем огласил свое решение, когда уложил все сумки в багажник.

– Я отвезу вас в храм Святого Иорлина, в западное крыло, а сам съезжу на муниципальную автостоянку и сдам нашего Джинджи, – он похлопал машину по капоту, – ведь он не наш.

– Ты из ума вышел, Тинки, – кивнула Тильда. Правда она не могла его бросить, ведь они испокон веков вместе, поэтому она взяла Бой на ручки и залезла на заднее сиденье с малышками. Тайс и Тэнда поплакивали. Тинк сел за руль.

– С этого момента, Тильда, давай признаемся себе: у нас нет дома, мы не в силах обеспечить себе пропитание.

– Ты не можешь, – вскользь прошептала Тильда.

– И мы обязаны снискать крова у господ нашего, Иеурониима.

– Как скажешь, дорогой, – кивнула Тильда.

Тинк резко развернулся, не веря ушам.

– Ты, видимо, прикалываешься, жена, а я ведь вполне серьезен.

– Я вижу, по собранным сумкам, Тинк. Я спокойна.

– Выговори, – закричал он, – Еще не поздно, выговори все.

Жена подняла свободные руки.

– Черта с два я сейчас что-то выговорю, Тинк-Танк, если сегодня день Би. Езжай уже.

Девочки заплакали.

Они припарковались на газоне у храма, на них тут же напал иерономонах, чтобы отъехали на положенную стоянку.

– Нас тут не ждут.

– Бог тебе не государство, – нагрубил Тинк, разворачивая руль со всей силы и въезжая задом в парковочное место.

– А тут и нет Бога, тут такие же люди, – Тильда подняла бровь и убрала локоны с лица Тайси.

– Как ты смеешь. Тут есть Бог, тут есть! Я покажу!

– Велением господи нашего Иеурониима, мы ищем прибежища в западной части вашего храма, – заявил он с порога петромонаху.

– Окей, – ответил тот, ковыряя зубочисткой в зубах и отошел к иконостасу, чтобы продолжить мольбу.

Западная часть никак не отделялась ни стеной, ни оградой от остального хора. За иконостасом прятался алтарь.

– Это священное место, – пояснил петромонах.

– Бог разрешает туда? – кивнул Тинк.

– Вообще мы не можем утверждать, мы же не Бог, располагайтесь, где вам будет удобнее.

И семья расположилась за дверью иконостаса.

Девочки трогали блестящие штучки:

– Какие украшательства, мама, это лучше, чем дома!

– Туалет в подсобном помещении, не увлекайтесь и бро-

сайте туалетную бумагу в мусорник, – пояснил монах.

– Ясно, – Тинк поставил чемодан на престол и вздохнул с облегчением, – теперь, женщина, я чувствую себя в безопасности.

– Ты отказался от всего, – пояснила Тильда с деланным восхищением в голосе, – А я чувствую, что здесь нет кроватей и душа.

– Детка, это все решаемо.

– Ну так реши что-нибудь, у меня начались месячные, – шепнула она ему на ухо.

– Кошмар какой, – усмехнулся он и выяснил, что в пристройке к храму есть мойка с тазиками и послал туда жену.

Он проводил ее взглядом, сев на трон. Тинк почуял запах ладана – священник ходил вокруг него и рассеивал пары дыма. Ему в миг стало спокойнее.

Священник любезно склонился над ухом.

– Извините, покорный, на престоле разрешается сидеть только господу нашему. И еще. У меня вопрос.

– Дерзайте.

– На какой срок вы собираетесь искать прибежища у нас, если позволите?

– Я думаю, на долгий.

– Почему?

– Я вижу, что вы слабовольные, ребята, а я – морально волевой тип. Поэтому будем здесь, пока ваше терпение не кончится. А там и посмотрим.

– Хорошо, – только и ответил священник и удалился.

Впоследствии храм разорился и прекратил свое существование. Сложно петь для господ, когда рядом орут дети. Молиться в тишине, когда Тильда делает зарядку, или принимать исповедь, когда Тинк смотрит видео на планшете.

Поэтому храм закрыли, рядом построили новый. А эту священную землю оформили на Тинка, потому что он знал, что делает, в отличие от жены.

Жена переживала, но верила ему безоговорочно.

Сразу, как землю переоформили на Боворов, Тинк снес двухвековой плод искусного зодчества под предлогом, что Бог хочет, чтобы пространство семьи расширилось. И на деньги из пожертвований этого храма воздвиг дом Боворов Дубль Два, только сад посадил не шишковый, а вишнецкий, но имена кустарникам он дал те же.

Однажды, когда Тильда, сменив десяток лет, почувствовала, что жизнь налаживается, Тинк прочел в одной проклятой газетенке, что господня земля также принадлежит государству. В тот день Би Тинк издал бессвязный вопль на весь дом. Вскоре он получил инсульт, и его увезли в госпиталь.

Тогда же стало известно, что земля под могилой принадлежит конкретному человеку.

Тогда, когда он выздоровел, он быстро разбогател, выкупил оставшуюся землю на южном кладбище селения и построил дом Боворов Дубль Три.

Так его дочери вышли замуж и зажили с личными семья-

ми на отдельной земле. Так, дочери родили потомство и отошли на тот свет, дочерей похоронили под сенью дерева Эммы Дубль Три. И стоит сказать, что Тинк выиграл эту битву. Единственная земля в селении, которая принадлежала только Тинку и его семье, а остальная – государству.

Нечеловеческий сын

– Думаешь, нам пора завести ребенка? – спросил однажды Фенс Мероу, муж Литы.

– Я боюсь рожать, – ответила Лита.

Семья Мероу завела шурку – особая порода больших домашних кошачьих с вытянутой мордочкой и завернутым, как у лайки, хвостом.

Животному дали имя – Анис.

Лита стала посещать клуб молодых матерей и всюду брала Аниса.

Благо, торговые центры пестрили отделами с одеждой для животных в равной степени, как и отделами для детей. Аниса одевали в штанишки с отверстием для хвоста, в кофточки, шапочки, комбинезончики.

Анис рос счастливым котенком. Его брали с собой в кровать, усаживали в детское кресло за ужином, учили держать ложку в лапах (специально спроектированную под кошачью).

Доктор сказал, что если проявить достаточное упорство, то у Аниса проснется сознание.

– Знаете, что всех человеческих детей учат ходить на двух ногах? – спросила врач. Она, Лита и Фенс стояли на балкончике медицинского корпуса, пока доктор докуривала сигарету. Она потушила окурок и снова обратилась к молодым

родителям:

– Здесь то же самое. Вода камень точит, и при должном упорстве происходит закономерный результат, а вовсе не магия. Нам с вами нужно развить мелкую моторику у Аниса. Внизу около буфета продается учебник с такими упражнениями. Делайте их каждый день, и вы активизируете его мозг. Выведете частоту его мыслительных процессов в бета-, а затем и гамма-ритм, если вы понимаете о чем я. Я дам вам визитку. Как только он начнет говорить, снова приходите на третий этаж. Там вас проконсультируют.

– Хорошо, – Фенс пожал руку врача своими обеими.

Лита взяла декрет и занималась с Анисом. Поначалу он был упрям: драл обои, разбрызгивал воду из миски, подолгу смотрел в окно на проезжающие машины. Ему хотелось бегать и прыгать, но ежедневные упражнения мало-помалу меняли образ его мышления. Анис научился держать в передних лапах десертную ложку, ручку, карандаш. Он начал воспринимать музыку и качать головой в ее такт, особенно, когда Лита танцевала с ним на руках. Также она не бросала попыток научить его рисовать. Однажды его рисунок вышел похожим на автопортрет. Лита хвасталась им в клубе матерей. Остальные относились к ней с настороженностью. У матерей не было определенного мнения насчет происходящего. То было не отторжение, и не симпатия, и даже не равнодушие. А скорее интерес с большой долей недоумения.

Пробуждение сознания в животном считалось редким яв-

лением – в 20-ых годах 21 века регистрировался один случай на пятьсот тысяч человек.

Другие малыши в клубе уже всюю ползали; Анис царапал других детей, а они дергали его за шерсть, но, тем не менее, все получали удовольствие от этих игр.

У Аниса пошел четырнадцатый месяц с рождения. Фенс вернулся с работы.

Семья села ужинать в своей традиции. Лита наливала черпаком суп в три глубоких блюда.

Внезапно в уши Фенсу ударила волна высоких частот. Он зажмурился и в легкой контузии спросил, что это было. Огляделся. Увидел, что Анис открывает рот; в глубине пасти виднелись маленькие клыки. Фенс в шоке продолжил разглядывать пасть сына, и на четвертый раз он разобрал слова:

– Папа, подай, пожалуйста, кусок сыра!

– А!!! – Фенс спрыгнул со стула, попятился и ударился спиной о плиту.

– Тише, Фенс! – Лита спешно переставила все жидкости на гарнитур, чтобы муж их не пролил.

Взяла кусок сыра и отнесла сидящей в детском кресле шурке.

– Я хотела сделать сюрприз, дорогой. Сегодня наш сын заговорил.

Фенс избегал заходить в гостиную весь вечер и уснул в дальней комнате. Утром он съездил к знакомому священни-

ку, затем вернулся к жене с горшком фиолетовых лилий. За ее спиной Анис играл с резиновым шариком, пытался выудить его из-под комода.

– Прошу прощения за мое поведение, – счастливо говорил Фенс и запустил руку в свои густые волосы (он забыл их причесать с утра). – Это чудо! Это чудо!

Он обошел жену и сел на колени рядом с котенком. Тот весил уже порядка шести килограмм и был размером с большой арбуз, или даже два.

Фенс повернулся к Лите:

– Что он еще умеет говорить?

– Анис, детка, скажи папе "Привет".

– Привет, – высоко выдавил кот, не отрываясь от своего занятия.

– Посмотри на нас с папой.

Анис сел на пол, изящно подвернул хвост к себе и спустя мгновение обратил на них взгляд желтых глаз.

– Какой молодец, – Фенс в восторге почесал сына за ухом. – А почему голос такой высокий?

– Мы работаем над этим, – Лита вытерла руки полотенцем и заправила его себе за пояс фартука.

– Сегодня я уже лучше его слышу.

– То ли еще будет! – ответила Лита. Она села на диван и стала публиковать зацикленные видео с Анисом в инстаграм, прикрепляла тэги. А Фенс помог котенку достать шарик из-под комода.

Через год Анис пошел в школу.

Лита с мужем подкупили директора учреждения, чтобы получить место в прогрессивном классе. Аниса, как самого маленького первоклассника, пронес десятиклассник на линейке первого сентября.

Все взрослые в толпе, которым было за пятьдесят, крестились; остальные просто перешептывались.

Аниса посадили на первую парту, а рюкзак поставили под стол. Фенс и Лита заказали синюю форму, в традициях дресс-кода выбранной школы, с гербом на переднем грудном кармашке. На уроках Анис постоянно спрыгивал с парты, сидел либо прямо на столе, либо на подоконнике, чаще забирался на верхнюю полку у стены – природа часто брала своё.

Директор договорился с учителями, чтобы они нашли к Анису индивидуальный подход.

Все же на контрольных, диктантах, изложениях требовалась предельная концентрация мыслей, которой кот еще не достиг, поэтому Лита приходила и держала Аниса на коленях, разминала ему правую лапу, когда он уставал писать, пела на ухо детские песенки, которые стабилизировали его внимание. Дальше эту роль вызвался исполнять отличник Метик – вместо Литы, потому что очень полюбил кота.

Анис влился в коллектив класса, позволял себя гладить, подкармливать, и скоро был ростом с самого маленького ребенка в классе.

Литу воспитание котенка поглощало всецело, в него она вкладывала все свободное время, поэтому ко второму классу Анис уже умел ходить прямо и держать осанку в течение получаса.

Их лечащий врач сказала так:

– Знаете, бывают инвалиды со сломанным позвоночником, колясочники? Многие из них при должном упорстве снова встают на ноги, делают первые шаги, возвращают себе ноги. Здесь тоже самое. Купите учебник по гимнастике для позвоночника внизу рядом с буфетом. Когда Анис встанет на ноги, приходите за дальнейшими консультациями.

На пятый день рождения Аниса семья Мероу отправилась в соседний город.

Лита уже давно искала подобные случаи с приемными животными, вела переписку с такими неформальными родителями, подыскивала будущую невесту для сына.

Они припарковались у благоустроенного коттеджа и зашли в дом Книтов. За тем званым ужином Аниса познакомили с самкой шурки – Юнокой. Котята сыгрались, вместе гонялись друг за другом по квартире, сломали торшер в технике тиффани. Анис начал приюхиваться к Юноке.

Обе пары родителей нервно рассмеялись и решили, что устроят повторное свидание еще через год.

Анису пообещали, что он увидит свою любовь, когда сможет весь вечер ходить прямо и во фраке, когда сможет гово-

ритель с расстановкой и освоит человеческую высоту голоса. Весь класс помогал ему с укреплением мышц ног и позвоночника. Метик ходил с котом на занятия хором за компанию – чтобы укрепить голосовые связки.

Учитель пения восхищался достижениями кота.

Все продолжалось радужно, но за месяц до свидания Кни-ты написали сообщение, что Юнока впала в депрессию – она чувствовала себя чужой в человеческом мире. Анис был уверен, что наполнит ее жизнь смыслом, но вскоре Юнока сбежала от родителей и уехала, предположительно, в Японию, в надежде сойтись с японцем маленького роста, который бы согласился ее обеспечивать – так она говорила родителям.

Лита и Фенс вложили всю свою грусть в поиск университета для сына. Он рос философом, причем обаятельным. Делал успехи в математике и физике. Анис обычно надевал фрак и расхаживал у крыльца дома по газону, в размышлениях о своем месте в мире. Фотографии с ним нередко становились достоянием общности.

Родители убедили сына, что в Японию ехать не стоит.

Лита не забывала водить сына на психотерапию: они сообща работали над избавлением котенка от чрезмерного невроза. Всеобщая любовь вдохновляла его и порой слишком будоражила. Несмотря на то, что он сильно отличался от окружающих, он обладал железной уверенностью, что его жизнь имеет смысл, что он дополнит этот мир своей неповторимой личностью.

К девяти годам жизни Анис открыл собственный бренд. Предпосылки к этому созрели уже давно; ему оставалось лишь воспользоваться этим. Он вел блог, сотрудничал с партнерскими программами, участвовал в съемках рекламы, в социальных роликах.

Многие компании-конкуренты жаловались, что идет дискриминация по биологическому признаку, бунтовали, когда организации соглашались сотрудничать с котом, отдавали ему предпочтение вперед людей.

Завелось немало врагов Аниса: их увольняли из-за некомпетентности и меньшего ума, чем кошачий, недостаточной инициативности или находчивости. Кто-то проявлял излишнюю консервативность, не успевал следовать трендам, и терпел крах под ходом большого маркетингового корабля, называющегося корпорация "Анис".

В твиттере Анис выкладывал собственные мудрые изречения:

"Отличайся, ты – другой".

"Будь благодарен за жизнь, подаренную тебе. Дари хорошие оценки родителям, не прыгай на верхнюю полку и не унижай младших, о, мой старший брат".

"Первый снег – вот ради чего стоит жить, например".

"Выпей со мной молока за чудо жизни".

"Не ешь дельфинов, потому что они пойдут вслед за мной".

"Теплая шерсть не согреет меня, если ты сдашься".

"Любите и коричневый цвет тоже, ведь он, как я. Ваш звездообразный лечащий душу Анис".

Фанаты приносили подарки и пожертвования к дому Мериу. После Анис нанял профессионального фотографа, оделся в излюбленный фрак, и снялся для журнала "А-веб". У кота взяли интервью.

Его признали самым сексуальным публичным человеком года, и половина конкурентов подала на него в суд, в частности из-за того, что Анис не являлся человеком.

"Но в его сексуальности никто не усомнился", – так говорила известная ютуб-блогер, работающая в команде Аниса. В интервью для "А-веб" кот признавался, что до сих пор ждет возвращения Юноки, но открыт для новых знакомств. От отвергал человеческих фанатов, объясняя это тем, что они его не возбуждают, как женщины.

В конце концов, к коту прислушивались, поэтому он сумел значительно повлиять на культуру и образование буквально за два года. Начался бум на "пробужденных" животных: трудолюбием сознание формировали в дельфинах, собаках, попугайчиках, тиграх, медведях. Зачастую проблема заключалась в том, что такие животные чувствовали себя чужими и погибали от стрессов и депрессий, но Анис определенно совершил прорыв, поскольку именно на его десятилетие пришлось падение количества самоубийств по статистическим данным не только среди очеловеченных животных, но и, по иронии, в большей степени среди людей.

Анис пришел к матери и свернулся у нее на коленях.

– Только не больше пары минут, Анис, – предупредила она. – А то у меня ноги затекают. Ты тяжелый.

Она провела рукой по его холке. Он непроизвольно замурчал, но вдруг стал серьезным и сказал:

– Мама, я хочу устроить мир во всем мире.

– Это понятное желание, дорогой.

– Ты думаешь, это реально?

Она хотела хмыкнуть, но, поразмыслив, ответила:

– Помнишь, как наша врач говорила про твое воспитание?

Здесь то же самое.

Вкус планеты Никро

Нас с Тагусом считали отличными друзьями.

С детства мы ходили парой, были во многом похожи. Например, мы оба – с планеты Земля – центральной планеты Окиманской коалиции планет. Мы оба безмерно гордились своим происхождением.

Если мне снились сны, а такое случалось часто, в них я был не со своей с женой. С Тагусом. Она даже не ревновала, как если бы я говорил, что я в компании моего правого уха.

Мы с моим другом планировали спасти мир – каждый со своего угла. Я занимался проектированием двигателей для звездного транспорта категории Б, а Тагус – имел доступ к картам всей Вселенной с южного-белого и до красного сектора. Ничего особенного, но к делам мы относились ответственно, и стремились всячески пригодиться и нести пользу.

Я не заподозрил плохого, когда увидел 27 июля 2138 года, что Тагус купил себе баллончик с атмосферой планеты Никро марки "Олимпия".

Ларьки с такими баллончиками стояли на каждом углу цивилизованных населенных пунктов Земли.

Хочешь – подыши Марсом, Юпитером, газами планеты ООК-89 – ради прикола. Несколько брендов захватило рынок – "Облачность", "Сгустки", "Аром" и другие. "Олимпия" лидировал. Один "пшик", и никакого вреда для здоровья,

только голос меняется, ведь газа там – микроскопические порции. Когда-то люди смеялись, что скоро воздухом торговать будут. В наш век шутка стала реальностью. Только то был не земной воздух, к сожалению.

Короче говоря, Тагус сказал, что дышит парами Никро для смеха, и несколько раз предлагал мне, но я отказался. Возможно, я проявлял чрезмерный консерватизм, но мне больше нравился кислород, особенно за городом. Меня нарекли скучным.

Я стал закатывать Тагусу скандалы, когда понял, что он покупает баллончики регулярно, но друг пропускал замечания мимо ушей. Вначале он брал 0,2 литра, потом понеслось – поллитра, литр. Время летело быстро, но я не мог привыкнуть к тому, что на спине Тагуса, подобно снаряжению аквалангиста, всегда висит баллон весом не меньше 50 килограмм, с трубкой к лицу.

Кожа Тагуса за пару лет стала на несколько тонов зеленее.

Я ничего не спрашивал, всё знал – Тагус вознамерился переселиться на планету Никро и покинуть меня. Такое в нашем обществе не принято обсуждать. Друг заверял меня, что хочет задержаться на Земле как можно дольше. Вопреки этому утверждению он все чаще дышал никро-воздухом. Я хотел ему верить, но не мог. Он совершал биологический переход с одного питания на другое.

Я поднимал болезную тему, но Тагус обещал мне, что, как и я, планирует жить на Земле до глубокой старости, и со-

трудничать со мной во всех делах.

Где-то между нами произошел раскол, и мы уже никогда не стали бы такими открытыми и искренними, как раньше.

Наше общения никак не изменилось – мы строили планы, завязывали свои жизни друг на друге все крепче. Теперь уже я боялся спрашивать о волнующем, просто старался насладиться обществом друга, пока это еще возможно. Теперь были я, Тагус, и баллон с атмосферой Никро – молчаливый кусок металла, слишком молчаливый и холодный, но нависающий надо мной в кошмарах.

Планета Никро входила в планетарный союз – Веркад, с которым у Океании уже сорок лет шла война, и мы оба, я и Тагус, отлично с малолетства знали, что Никро всячески переманивает на свою сторону бойцов. Планеты Веркада и обстановку там не допускали к публичному показу. Возможно, нас дурили, и Варкад вовсе не существовал.

Тагус собрал сумку экстренной эвакуации на Никро, и показал ее мне. Я запомнил все его инструкции, и выучил правила действия при оказании первой помощи, на всякий случай.

– Тагус, друг мой, признайся, тебе просто не понравилась жизнь на Земле, – попросил его я. – Все дело в твоей работе? Я помогу тебе устроиться. Мы все поможем – я, Зензелин, Ямик. И твой начальник, я уже с ним договорился.

– Не волнуйся, это мои собственные проблемы, – отмахнулся тот. – Я справлюсь.

Однажды он пришел, также летом, в конце июля, но с двухлетним стажем своей привычки и сказал голосом, который я уже не узнавал – хриплый, низкий, поверхностный:

– Завтра мой поезд до планеты Никро.

– Откуда ты знаешь?

Тагус задержал дыхание, казалось, он свалится в обморок.

– Кислород не заходит, – пояснил он, – Почему-то.

Мы обнялись и стояли на асфальтовом перекрестке два ночных часа, а ночь выдалась белой. Ветер гулял между свисающих ветвей голубой ивы, что склонилась над нами. Я чувствовал тяжесть, в груди болезненно тянуло.

Дальше Тагус уже не держался на ногах, он отошел от меня, сделал затяжку никро-атмосферой, но, похоже, газ в баллоне заканчивался, затем вдохнул кислорода. И у него не получилось. Тагуса затрясло.

Я вызвал скорую, и Тагуса положили на носилки. Я видел, как на него надели кислородную маску, хотя я кричал о никро-настройке его легких. Медики не пустили меня в машину, уехали.

Следующим днем в обед мне прислали открытку, что Тагус успешно добрался до своей планеты Никро и обживаетеся.

Планета не входила в круг планет Окиманской коалиции, поэтому связь с Никро не разрешалась, да и не поддерживалась нашей техникой. У нас – магнитные передачи, у них – кветроимпульсенные. Билеты до Никро не продавали, а нелегальные рейсы отслеживали и пресекали. Не представляю,

какую кипу бумаг пришлось бы перелопатить, чтобы перевезти одного больного землянина на вражескую территорию только по той причине, что он готов дышать атмосферой Никро и отказался от кислорода. Кто этим станет заниматься? Где тот космодром, с которого отправляют покупателей баллончиков на территорию Веркад?

Самое печальное в моей истории – я точно знал, что даже если Таргус добрался до Никро, там вряд ли стоят ларьки с атмосферами. И, даже если стоят, земным воздухом там не торгуют. Потому что вкус земного воздуха не популярный. Он есть в линейке вкусов, но обычно его не выставляют.

Я не купил билеты до Никро, хотя уже завел сомнительную связь с одним веркадским перевозчиком.

Я проверил городское кладбище – ходили слухи, что в среди планетарных вкусов есть один особенный, вкус смерти. И когда дышишь им – готовишь себя к переселению на Тот Свет, чтобы в конечном итоге переехать на эту планету полностью. На планету умерших.

Я мог бы проверить все могилы и надгробия на трех городских кладбищах – северном, южно-западном и восточном, но я не стал.

Черная свадьба

Стоял солнечный теплый летний день, пели птицы.

Супругам Хэмилям пришло приглашение на свадьбу племянницы.

"Дорогие тетя и дядя, приглашаем вас на наше торжество седьмого числа, в эту пятницу.

С любовью Донк и Таимана"

– Тая выходит замуж! – крикнул дядя Гельт своей жене, из прихожей. Он положил красивое письмо с золотыми чернилами на стол. – Я иду заказывать билеты до Искбурга!

Супруга Гельта, Имчи, вышла из душа и пропела:

– Наконец-то! Я уже думала, Донк использует ее, и девочка губит свою молодость.

До свадьбы оставалось три дня. Гельт позвонил своей дочери и нежно сказал в трубку:

– Как у тебя с твоим парнем, женитесь?

– М... нет. Ты спрашивал это еще только вчера, папа.

– Дочь моя, давайте женитесь, пора уже. Пора, черт возьми! Я надеялся, что ты окажешься замужем раньше Таиманы. Может, вы успеете в загс сегодня или завтра? Донк с Таемей едут туда только в четверг утром.

– Нет, отец, – она была немногословна.

А потом Гельт обзвонил таким образом оставшихся четверых детей.

Пятница.

Хэмили отправились на праздник: прилетели в северный город Искбург.

Уже второй месяц там шла полярная ночь.

Хэмили выехали за черту города, свернули на узкую асфальтированную дорогу, проехали по парковочной площадке особняка.

Вдоль особняка стояли иномарки родственников и друзей молодоженов.

В праздничном зале с двух сторон окна до пола открывали вид на темную ночь, их обрамляли тяжелые черные шторы. Гости смотрели северное сияние.

Имчи сказала мужу на ухо:

– Только осторожнее, Гельт, наш брак трещит по швам, нужно подать пример. Давай покажем, как мы любим друг друга на этом вечере.

– Конечно, милая.

Хэмили не успели оглянуться, как выпивали по первому бокалу вина, любуясь молодой парой: Таимана блистала в роскошном белом платье, покрытом изысканным гипюром; Донк, жених, приосанился, будучи в смокинге, внушал уважение.

Гельт прорвался сквозь толпу и похлопал Донка по спине:

– Дружище, молодец! Ай-да молодца! – Гельта распирало счастьем. – Ты вырос в моих глазах, ой какой!

Глаза Донка на мгновение закрыла темная пелена, потом

его губы дрогнули смущенной улыбкой:

– Давайте развлекаться. Мы три месяца занимались организацией. Будут очень интересные конкурсы. Вы участвуете?

– Да, Донк.

Заиграла музыка. Вначале тихая, мелодичная: нанятый музыкант пробовал фортепьяно.

Вышла ведущая:

– Это особенный день в жизни молодых, поэтому, гости дорогие, расслабляйтесь, отдыхайте, сегодня и только сегодня всё для вас! – она посмотрела на молодоженов, потом на время, – А теперь слово родственникам. Сторона невесты – ваши поздравления!

Хемили оказались у микрофона, и ведущая склонилась между их голов:

– Минут на двадцать скажите вкратце что-нибудь, а то у нас на кухне затягивают с подачей первых блюд, окей?

Гельт придвинул губы к микрофону, и тот зафонил:

– Я, мы с моей женой... Тая, я очень рад, – он покосился на ведущую, та помахала рукой и убежала на кухню, – Рад, что Донк сделал тебе предложение, что вы решили быть вместе. Я хочу пожелать вам...

Гельт вещал десять минут. Он сделал несколько циклов вокруг понятий «счастья», «здоровья», «любви», нервничал и повторялся. Тая и Донк вначале кивали и улыбались, но к концу дядиной речи смотрели то в потолок, то друг на дру-

га. Междометия наполнили речь Гельта. Сторона жениха замкнулась в кружок и общалась о своем.

Наконец, ведущая освободила Гельта от тяжелого микрофона, и тут же объявила первый конкурс.

Она вызвала нескольких добровольцев – мужчин и женщин. Выбрала Гельта, раз он уже стоял на сцене.

Мужчинам завязали глаза и предложили ощупать ряд женщин.

– Найдите своих спутниц!

Гельт очутился во тьме и вытянул руки. Под его ладони тут же легла чья-то грудь. Он резко отдернулся и ведущая крикнула:

– Давайте, дядюшка Гельт, время пошло!

В уши ударила волна быстрой комедийной музыки.

Руки Гельта окаменели от волнения, но полуобнаженные молодые тела сами шли к нему в объятия и вертелись, подставляли то декольте, то бедра. Он мог поклясться, что кто-то игриво укусил его за ухо.

Гельт старался щупать одежду, но то и дело вляпывался в голые зоны. Все женщины, как одна, походили на его жену, но он даже не был уверен, участвует ли она в конкурсе.

Смех нарастал. Микрофон, который уже успел надоесть Гельту, ударил его в нос. Музыка оборвалась. Гельт облизнул губы и сказал хрипло:

– Вот моя жена, – и нащупал запястье той, которая прислонялась к нему спиной и ягодицами.

– О нет, нет, эта не ваша жена. Имчи, молчите, и не подавайте голос, сейчас он вас быстренько найдет. Но по правилам положен штраф, поэтому нам нужно еще две девушки, чтобы запутать дядю.

Снова десять минут Гельт трогал чужих женщин. Он чувствовал, что повязка на его глазах намокла от пота.

Он ошибся уже раза три, но так и не нашел Имчи. С позором, ему сняли повязку и показали, что жена семь раз попадала к нему в руки, но он не узнал ее.

С легким головокружением Гельт сел за свое место, и они с Имчи в гробовом молчании отпили из бокалов.

Гельт заметил, что невеста переделалась и теперь расхаживала в длинном льющемся черном платье без рукавов. И вообще все гости были одеты в черное. Как он не заметил раньше?

Позже шли еще три или четыре конкурса с нелепым содержанием: в одном кровати стояли по кругу сцены и нужно было бегать от одной к другой и на скорость целовать всех участвующих женщин. Во втором выбирали "Лучшую жену" и "лучшего мужа".

Имчи выиграла в своей номинации, и затем ее свели в пару с каким-то мужиком из родни жениха – с Кэмом. Кэм выиграл в номинации "лучший муж".

Имчи и Кэм должны были разыграть сценку счастливого брака, воспитания детей и сексуальной жизни. Они катали детскую коляску по сцене, гадали по камасутре, Имчи под-

ставляла свою спину, чтобы Кэм намазал крем от загара.

Гельт отвел взгляд от сцены, когда ему положили в руки черную маску – какого-то страшного зверя. Причем маска ложилась на область головы и лба, и нисколечки не скрывала лицо.

Все остальные гости тоже преобразились в непонятных зверей с шерстью и рогами.

Гельт наклонился к соседу по столу и перекрикнул музыку:

– Это тематическая вечеринка?

– Нет, – и человек с головой черного буйвола отодвинул свой стул и ушел, подсел к звукооператору.

Гельт поискал в зале молодоженов. Снова посмотрел на сцену.

Имчи и Кэму вручили один здоровенный золотой кубок на двоих "лучшая семейная пара века".

Имчи приземлилась рядом с Гельтом. Хэмили, не глядя друг на друга, поели салаты, закуски. В трех из четырех салатов участвовал чеснок, лук, и адыгейский сыр, застревающий в зубах.

Гельт не успел глотнуть сока, чтобы прополоскать рот, как всех женатых попросили подойти к ведущей. Он запнулся о кубок Имчи, что она получила в предыдущем конкурсе, вытянул жену за собой – в свет прожекторов.

– О-о, – ведущая изобразила умиление, – Женатые со стажем, покажите молодоженам, как вы умеете любить друг

друга. Лучший поцелуй будет вознагражден призом!

Включили музыку из самой романтической саги последнего десятилетия и Гельт повернулся к жене.

Они приблизились губами, но лицо Имчи не выражало особой страсти.

Гельт и сам понимал, что походил в данный момент на потрепанную лесную сову после падения в воду, нежели на альфа-самца.

Он невинно припал губами к губам Имчи.

Боковым зрением он заметил, что его брат склонил супругу почти к самой земле, а родственники со стороны Донка целуются по-французски.

Гельт решил не отставать и вторгся языком в рот жены.

Она словно окаменела и зажмурилась, как на приеме у стоматолога. Потом широко раскрыла глаза, сжала челюсти. Гельт встретился с ней взглядом.

Ведущая сделала музыку потише, и со всех сторон слышались непристойные хмыканья. Пары обнимались, а Имчи стояла в стороне, отдернула руку от Гельта, смотрела в пол, кусая губы.

Вновь в молчании Хэмили сели за стол.

– Ты хочешь что-то сказать, Имчи. Говори.

– Нет.

Гельт съел вторую порцию отбивной и отвлекся разговором с соседом.

Следующий конкурс оказался не менее дебильным: женам

предложили побить своих мужей, покидать в них помидоры, совершать игривые удары скалками, чтобы испытать суженых.

– Брак – это великое терпение, господа, – ворковала ведущая, – Но если ты в браке 5, 10, 20, 30 лет, значит, ты стал мастером терпения. Давайте посмотрим, кто продержится дольше.

Женщинам выдали помидоры и скалки. Гельту казалось, что эта пытка длилась как минимум полчаса. По необъяснимым причинам, сидящим за столам гостям казалось очень смешным и находчивым происходящее.

Он зажмурился и много, долго терпел. Под конец он обнаружил, что остальные мужья освободились от веревок и взяли своих жен в захват, и единственная, кто до сих пор кидает помидоры – это Имчи. Она уже не смеялась, не хохотала, а делала это с каким-то отчаянием, и, казалось, готова была зарыдать. В течение двух минут Гельт развязался и схватил ее, она тут же уткнулась ему в плечо и заплакала.

Официанты уносили грязную посуду, расставляли тарелки с десертом. Это время Хемили провели в ванной. Имчи смывала растекшуюся туш, размазанную помаду – красилась поновой. Оба молчали.

Перед выходом из санузла, Имчи подняла на Гельта указательный палец:

– Вспомни, как мы познакомились, Гельт. Я терпела многое. Но кое-что не забывается. Возьми себя в руки. Это всего

лишь чертова свадьба. Честное слово, я знаю, ты лучше чем то, что я видела последние два часа.

Как только они вошли в зал, их тут же увлекли в хоровод вокруг Таиманы и Донка. Потом необходимо было участвовать в приготовлении свадебного торта – с коржами, взбиванием сливок, кипячением какао-порошка с маслом – и все это на сто человек. На сцену вывезли мобильную кухню, несколько печей и электронных плит. Стало жарко, как в бане.

В этот момент ведущие решили перезнакомить всех родственников.

Гельт поработал в паре со всеми приглашенными: с кем-то месил тесто, с кем-то мыл вишню. С каждым другом и родственником, как в пятиминутных свиданиях, нужно было обменяться именами и статусом, контактами, и успеть рассказать что-то о себе. По звонку через каждые пять минут (очень противному на слух) люди переходили к следующему незнакомцу.

Также периодически музыка замолкала и гостям предлагали выпить.

В конечном итоге молодоженам отрезали пару кусков от этого пьяного свадебного мучного месива.

Таимана и Донк улыбнулись, но Гельт не успел заметить, съели ли они хотя бы по ложечке.

В скором времени Гельт должен был сказать речь на камеру о качествах, наиболее важных в супружеской жизни. К

тому моменту он уже был, словно во сне.

Иногда Гельт видел молодоженов боковым зрением, и ему казалось, что они ржут низко и отвратительно, но когда он смотрел на них прямо, они выглядели внимательными и спокойными.

Поскольку жена Гельта оказалась отбита Кэмом, в новой серии конкурсов он должен был завоевать ее заново. Имчи объявили принцессой и вытащили в зал всех мужчин. На всех нацепили доспехи, дали в руки копья, мечи; в помещение ввели коней.

Кое-как Гельт выиграл поединок у трех кандидатов, но проиграл четвертому и ушел в низ рейтинга. Его жену, Имчи, завоевал отец Донка.

Гельт сидел на полу танцпола. Гремел клубный ремикс на песню его молодости, которую Хэмили считали "своей песней". Имчи танцевала медляк с отцом Донка. Тот держал Имчи одной рукой за талию, второй за руку, уперся лбом в ее лоб и опускал руку по ее гибкой спине все ниже и ниже.

Гельта задевали ногами танцующие. Он низко зарычал от тупой ярости, но не услышал сам себя.

Внезапно его окружили дети, бегали вокруг с банками и коробками:

– Пожертвуйте на счастье жениху и невесте!

Гельт попытался вырваться из круга дьяволят, но они крепко держались за руки и хватали его за ноги и торс.

– Хорошо, хорошо! Я заплачу!

Дети расступились и к Гельту подошла шестилетняя девочка в черном платье, украшенном золотыми цветами. Она протянула терминал:

– Желаете расплатиться картой?

Гельт судорожно выдохнул и достал бумажник, сунул карту в терминал. Ввел пин-код.

Девочка очаровательно улыбнулась, отдала карту и убежала.

Гельт огляделся. Штанина Гельта завибрировала. Он достал смартфон и проверил входящие. Пришло смс от банка: его счет оказался онулирован. Ушли все сбережения, которые он копил на ремонт гостиной!

Он направился к Донку и Таимане, стоящих на втором этаже зала. Они опирались на перила, спокойно смотрели на поднимающегося по лестнице Гельта.

Гельт подошел и открыл рот. Донк опередил его:

– Спасибо, дядя, что участвуешь. Это ценно для нас.

– Вам не кажется, что вы переборщили с конкурсами?

– А что такое? – в лице Таи угадывалось беспокойство.

Гельт замешкался. Донк взял слово:

– Остался последний конкурс. Старое традиционное веселье. Дядя, пойдем к столу. Все родственники очень и очень настаивали, чтобы мы отпраздновали свадьбу, и, надеемся, ты и тетя удовлетворены этим событием.

– Нет, Донк, что-то здесь не так.

– Мы же оба взрослые люди, Гельт. Давай обсудим плюсы

и минусы организационных моментов как-нибудь потом. И не будем портить друг другу настроение.

Гельт заметил как в лице молодого парня мелькнуло нечто вроде умоляющей нотки: он шурился и выглядел усталым.

Гельт сжалился.

Люди расступились на сцене, и Гельт сел с одной стороны лакированного столика. Рядом с ним посадили большого увальня – троюродного брата Донка.

– Ты не участвуешь? – Гельт испуганно повернулся к отходящему Донку.

– Нам еще провожать гостей, Гельт. Мы тут как на рабочей смене, – он нервно посмеялся.

Между Гельтом и увальнем поставили бутылку водки и две рюмки: кто ошибается – тот пьет.

– Сколько стоит пачка гречки на Карибах? – прозвучал первый вопрос. Гельт ответил неверно и опрокинул стопку водки себе в горло. Остальных вопросов он не помнил, мир сузился до участка стола под его руками.

После конкурса Гельта потащили в фойе, и там он отсиделся в течение двух-трех часов.

Возможно, проваливался в сон.

Кто-то сильный помог Гельту добраться до бани и опрокинул на него ведро холодной воды.

Гельт проморгался и обнаружил себя за свадебным столом, с кружкой чая и блюдечком конфет. По правую руку сидела Имчи, напряженная. Темнота, огни танцпола. Пустые

столы. Редкий смех.

Гельт заметил, что Имчи беседует с дедом Донка – опытным адвокатом. Гельт встал из-за стола, сделал шаг и чуть не упал прямо в распечатки перед Имчи. Документы на развод. Имчи бросила на Гельта испуганный взгляд.

Он пошел к дальней комнате, опираясь одной рукой о спинку стульев. Нашел Донка и Таиману.

Они паковали чемоданы.

– О, Гельт, куда ты пропадал?

– Я хочу что-то сказать.

– Нам пришлось пятьсот тысяч, дядя! Это невысказано! Мы не ожидали, что ты будешь так щедр, – Донк искренне улыбнулся, – Знаешь, в этот раз всё было довольно бюджетно. Через полгода мы повторим, но шире. Твоя денежная помощь очень кстати. Ты придешь?

– Нет, я... боюсь, я не смогу.

– Черт возьми, Гельт. Как так? Тебя мы очень хотим видеть на нашем празднике.

– Ребята, ваши конкурсы... Я объясню вам насчет них.

Донк опустил чемоданы прямо на пороге и остановился напротив дяди своей невесты с холодным взглядом:

– Попробуй.

– Мне кажется, кое-что нужно поменять.

– Ты недоволен?

– Да, я возмущен.

Донк ошарашенно вздохнул и переглянулся с Таиманой.

Она пожала его плечо, погладила. Донк вдохнул и вывел Гельта в коридор, подвинул дальше, к окну:

– Нет, Гельт, в этом вопросе мы не найдем компромисса. Конкурсы возьмем на себя, и очень хотим тебя на них видеть. Сам понимаешь. Туда-сюда. Ты внушил мне, что нужно поступать по-мужски: я должен был как мужчина жениться на женщине, которую люблю. А ты, как мужчина, приходишь на наш праздник и наслаждаешься событием, необходимость которого очевидна для нас обоих. Я думал, у нас с тобой это взаимно, Гельт.

– Так ты злишься? Мстишь мне?

Донка позвала жена, он отвлекся и снова обратился к дяде:

– И не разводите с тетей Имчи, пожалуйста. Иначе мы с Таей разочаруемся в браке.

Нам пора, Гельт. А ты иди и поджарься в камине, пожалуйста. Это такой свадебный ритуал: родственники разводят костер, закладывают базу семейного очага. От этого будет зависеть мое с женой счастье. Таимана, – он обратился к жене, – Как думаешь, дядя хорошо горит?

Гельт открыл рот, несколько раз пытался вставить слово, но не смог.

Донк нагло ухмылялся.

Гельт толкнул Донка к стене, ударил локтем наотмашь и кулаком в живот.

– Дядя Гельт! – закричала Таимана. Донк согнулся в но-

гах.

Глаза Гельта пылали гневом. Он поднял Донка за грудки и ударил своей головой о его лоб. Донк открыл рот, словно рыба, и через мгновение захихикал. Безвольно помотал головой в стороны, и тут же резко вырвался. Нагнул дядю, завернул его руку за спину, с силой уткнул в стену. Сам отдышался.

– В костер его, – на выдохе сказал Донк, – Вернее, в очаг, – он повернулся к жене, – В наш домашний очаг.

В коридоре появились старые приятели Донка и помогли схватить Гельта, протащили его по коридору так, что за ним ворсистый ковер складывался волнами.

Они остановились в проеме самой большой гостиной особняка.

Прямо напротив горел камин: каменная пасть с пламенем шириной в пару-тройку метров.

Гельт поднял голову.

У костра одни родственники поддерживали пламя, другие тащили шкафы, стулья. Нашлись и те, кто бросал дерево в огонь.

Друзья жениха повели Гельта к костру.

Их натиск становился все сильнее. Жар хлестал по лицу. «За жениха! За невесту!» – кричали близкие молодоженов снова и снова.

Гельт растерялся, он враз оказался в метре от огня и почувствовал в себе силы сопротивляться.

Присел и перекинул верзилу за собой через свою спину. Тот упал в огонь и закричал.

Гельт шагнул в сторону и схватил второго за ступню, повернул ее в своих руках. Парень упал. А Гельт бросился к стене. Родственники выставляли руки и направили Гельта обратно к очагу, призывали его к ответственности.

Гельт прорвался к окнам и вскочил на стол. Где Донк?

Гельт взобрался по серванту, прыгнул на балку, затем на балкон второго этажа. Он схватил Донка за волосы и потянул вниз с рычанием. Слюни покрыли подбородок Гельта, а его вспотевшие руки скользили по перилам.

Гельт протащил мужа племянницы вдоль всего балкона, а потом спустил с лестницы. Гости бежали навстречу. Гельт схватил Донка за шиворот и толчками погнал на улицу.

Через пару минут они вышли на задний двор и Гельт запустил Донка в сугроб. Прибил сверху и накидал снега.

Тот уже менее агрессивно болтал руками и ногами.

Гельт наспех нарисовал круг, очерчивая Донка в сугробе, прочел ряд заклинаний. Несколько раз ему пришлось толкнуть Донка обратно в снег. Потом бушующий муж замер, и от снега пошел пар. Снег растаял.

Донк лежал ничком в проталине, без сознания.

Он исходил клубами дыма.

Гельт склонился над Донком, разорвал его одежду на грудной клетке и нарисовал изгоняющую руну. Донка подбросило, как от электрического разряда.

Гельт продолжал произносить священные тексты.

Из дыма отцедился бог эгоизма. По воздуху прокатилась волна потустороннего истерического смеха, который угас, когда бог растворился в атмосфере.

Родственники высыпали на улицу.

Таимана увидела лежащего Донка и побежала к нему с рыданиями.

Донк пришел в сознание. Он смотрел распахнутыми глазами, быстро дышал.

Гельт успокоил родственников, вызвал на всех тройку коммерческих автобусов; уложил молодоженов спать в номере особняка и оставил поручения служащим.

Гельт сел в свой автомобиль. На водительском сидении ждала Имчи. Она щедро улыбнулась:

– Наконец-то мой муж вернулся.

– Доставай свои документы о разводе.

Она протянула сверток листов.

Гельт поджег их зажигалкой, Имчи открыла окно с его стороны. Гельт выбросил охваченную пламенем бумагу:

– Чтобы я больше не видел этой дури, Имчи.

Она чмокнула мужа в уголок губ:

– Я люблю тебя, Гельт.

– И я тебя люблю.

Машина Хэмилей тронулась и поехала по узкой асфальтированной дороге, через ворота, между прямыми темно-зе-

леными соснами, что стояли рядами по обе стороны трассы и уходили в звездное небо.

Через год Аликаны действительно устроили повторную свадьбу, на этот раз в белом цвете.

Половина детей Хэмилей вступила в брак в течение ближайших четырех лет, хотя Хэмилы ни разу не поднимали эту тему. Позже «брак» юридически отменили.

Семейный же институт продолжал непоколебимо стоять.